

8. Углова И.С. Роль религиозной символики в возникновении доверия у верующей молодежи: Квалификационная работа. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. – 65 с.

9. Хоружий С.С. Дискурсы внутреннего и внешнего в практиках себя. Доклад на симпозиуме «Религиозный опыт: внутренняя жизнь и внешние фор-

мы» (Иерусалим, июнь 2001) // Московский психотерапевтический журнал. – 2003. – № 3. – С. 5–25.

10. Шкуратова И.П. Самопредъявление личности в общении: монография. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2009.

11. Шривастава Н. Метасовременная эпоха. – М.: Известия, 2007.

УДК 159.9

Павлова Наталия Дмитриевна

*доктор психологических наук
Институт психологии Российской академии наук, г. Москва
pavlova_natalya@mail.ru*

МЕХАНИЗМЫ И СРЕДСТВА ДИСКУРСИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Актуальность исследования определяется возрастающим интересом общества к вопросам психологического воздействия дискурса. Механизмы и средства оказания воздействия рассматриваются с позиций представлений об интенциональных основаниях речи и дискурса. Формируется подход к изучению выбора средств оказания воздействия субъектом общения.

Ключевые слова: дискурс, психологическое воздействие, средства воздействия, механизмы воздействия, интенции коммуникантов.

Воздействующая сила речи хорошо известна. Гораздо менее очевидно и далеко не всегда отчетливо осознается, что функцию воздействия реализует любое высказывание, к какой бы сфере коммуникативной практики оно не относилось. Не только политический или рекламный дискурс предусматривают психологическое воздействие; всякое обыденное и, казалось бы, нейтральное высказывание предполагает воздействие на восприятие мира, и прямо или косвенно, регуляцию поведения адресата. Регулятивная функция может быть ведущей как в политическом, публицистическом, педагогическом дискурсе. В «обычном разговоре» она бывает менее выражена, хотя в любом акте общения коммуниканты преследуют определенные цели, которые, так или иначе, предполагают оказание воздействия.

Направленность субъекта общения на достижение определенного результата по существу выступает психологическим основанием речевого воздействия. Произнося высказывание, человек совершает речевой акт – действие, реализующее актуальную интенцию и направленное на адресата. Он сообщает, просит, благодарит. Каждый речевой акт сопряжен с оказанием воздействия: изменением «картины мира» или эмоционального настроения адресата, если сообщается информация, выражается отношение или мнение, с прямым или опосредованным побуждением партнера к действиям (приказ, просьба, совет и пр.). Обычно в дискурсе высказывания за немногими исключениями полиинтенциональны. Одни интенции выступают ведущими, другие имеют подчиненный характер, какие-то интенции отчетливо осознаются субъектом, другие могут не рефлексироваться. Дискурс имеет сложное иерархически организованное интенциональ-

ное пространство [9; 10], и вопрос о том, реализации каких намерений он в первую очередь служит, нередко далеко не очевиден. Если в одних случаях направленность на оказание воздействия является центральной и отчетливо осознаваемой целью, то в других совершаемые речевые действия могут приводить к соответствующим результатам и без прямой осознанной установки на воздействие. Даже пустословие и, казалось бы, лишенная содержания болтовня реализуют функцию воздействия, способствуя поддержанию межличностных отношений [5].

Представление о целенаправленном и непреднамеренном воздействии имеет, на наш взгляд, принципиальную значимость в понимании дискурса и дискурсивных процессов. Это представление отвечает данным интен-анализа дискурса [9] и согласуется с выводами ряда других работ [2; 6]. Обычно, однако, феномен речевого воздействия связывается в первую очередь с целевой установкой говорящего на управление пониманием и поведением адресата [7; 12].

Вопреки бытующему представлению о сложных приемах и техниках, обеспечивающих оказание воздействия, оно имеет весьма общие речезыковые основания. Использование языка в процессе речи предполагает возможность описания одной и той же ситуации различными способами. Это не ограничивается употреблением разнообразных синонимов; явление, получившее название вариативной интерпретации действительности [1], значительно шире. Высказывания «*Осталось всего пять минут*» и «*У нас целых пять минут*» отражают одну и ту же ситуацию, но вместе с тем передают ее субъективную оценку, что может служить интересам воздействия. Важно подчеркнуть, что говорящий не только имеет возможность выбирать тот

или иной способ выражения, он в любом случае вынужден этот выбор осуществлять. При этом вопрос о непреднамеренности, напротив, целенаправленности выбора остается открытым: оказание воздействия выступает следствием способа формулирования смысла вне зависимости от того, является ли внедрение определенной позиции в сознание адресата целью говорящего или нет.

Этот механизм, заложенный в самом процессе речи, составляет основу ее функционирования как инструмента психологического воздействия во всех сферах дискурсивной практики. Воздействие, связанное со способом речевого воплощения мысли, не всегда осознано и не предполагает ложного, искажающего факты изложения. Однако при одинаковом денотативном значении слов возможны различия в коннотациях: «гибкость» – «беспринципность»; «воинская повинность» – «воинская обязанность». Кроме того, построение высказываний диктует необходимость выбора грамматической формы, синтаксической конструкции и пр., что также создает оттенки значения и модифицирует отображение действительности («я считаю» – «считается»; «он забыл» – «у него склероз»). В целом это приводит к тому, что описанию ситуации неизбежно сопутствует тот или иной образ реальности, что может стать средством навязывания определенных взглядов и составляет основу многих целенаправленно используемых приемов воздействия. В их числе употребление эмоционально окрашенных слов («успех», «предательство»), использование эвфемизмов («военная помощь», «зачистка»), замена активных конструкций пассивными, позволяющая, не упоминая о действующих лицах, снять вопрос об ответственности («вазочка разбилась», «заложники захвачены»).

Выступая неотъемлемым свойством дискурса, оказание воздействия имеет в основе и целый ряд коммуникативных механизмов. Субъекты общения, как правило, вынуждены опираться на многочисленные допущения, касающиеся знаний собеседника, правил общения и пр. Полагая нечто известным, говорящий относит часть информации к исходным посылкам коммуникации. Это открывает возможность имплицитно навязывать их адресату. Отсюда различные виды «статусного» давления, злоупотребления ролью активного или пассивного участника ситуации. Кроме того, механизм структурирования информации может использоваться для того, чтобы неявно в виде пресуппозиции высказывания выразить то, что иначе может вызвать сомнения: «Демократия в стране развивается» – утверждает, что демократия развивается, при этом неявно как общеизвестное вводится тезис о существующей демократии. «Навязывание пресуппозиции» – популярный прием манипулирования сознанием, действенность которого определяется еще и тем, что возражение, сформулированное в форме

общего отрицания высказывания («Нет, это не так»), не затрагивает его исходной посылки.

Вместе с тем, имплицитное выражение смысла постоянно сопутствует общению в силу необходимости соблюдать правила вежливости, стремления не обидеть собеседника, речевой креативности и пр. Непрямые высказывания настолько обычны в дискурсе, что как парадокс отмечается возможность быть понятым [12]. Это также может с успехом использоваться в интересах воздействия. Помещение нужного говорящему компонента смысла в подтекст высказывания как один из важнейших приемов манипулятивного воздействия неоднократно описано в исследованиях политического, рекламного, повседневного дискурса [4] [13]. Оно составляет основу «замазывания» и других вариантов введения информации в оценочно окрашенный контекст, использования намека, метафоры [1]. Особенно показательны в этом плане устоявшиеся метафоры (военная, архитектурная, метафора пути и др.), правомочность которых практически невозможно оспорить. Незаметно для адресата они задают вектор осмысления событий, побуждая видеть мир то «сквозь прорезь прицела», то, как процесс строительства, то, как движение по дороге («война с бедностью», «свернуть с пути»).

Структурирование информации в ходе коммуникации естественно сочетается с ее выборочным представлением. О чем бы ни заходила речь, субъекты общения вынуждены оставлять что-то недосказанным. Это диктуется не только временными ограничениями, но обычно и правилами вежливости. Выбор информации зависит от целей коммуникативного акта, что вольно или невольно модифицирует представление событий и фактов. Возникает своеобразная коммуникативно обусловленная «версия событий». Этот механизм, исследованный в рамках дискурсивной психологии [11], выступает инструментом психологического воздействия во всех сферах коммуникации. В масс-медийном дискурсе он составляет основу таких известных приемов манипулирования, как умолчание, подтасовка карт [7]. Конструирование версии событий широко представлено в повседневном общении, где служит цели избежать осложнений во взаимоотношениях с собеседником, произвести благоприятное впечатление. Выявлены распространенные техники, используемые для усиления правдоподобности описаний, придания им необходимой полноты [11]. Так, для убеждения слушателя в оправданности своего изложения событий используют ссылки на других очевидцев; приведение многочисленных подробностей способствует созданию впечатления, что человек наблюдал происходящее воочию.

В целом нетрудно видеть: оказание воздействия неотделимо от дискурсивной практики и оно никак не сводится к директивным речевым актам, выст-

раиванию рациональных доводов или использованию классических риторических приемов. При этом провести четкую грань между непреднамеренным и целенаправленным воздействием, а также специально выделить воздействие манипулятивное достаточно трудно. Многие формы выражения, естественно возникающие в коммуникации, способны оказывать воздействие, в том числе и неумышленное. Одно и то же высказывание («*Главой администрации назначен NN*»), выступая для одной части аудитории как обычное сообщение, для другой имплицитно содержит сигнал, побуждающий к действиям. Ни одна из дискурсивных форм не предназначена специально для манипулирования, но почти каждая может быть для этого использована. Это создает огромный потенциал дискурсивного воздействия. Особенно если учесть, что эффективное воздействие возможно, прежде всего, тогда, когда адресат не осознает преднамеренности выбора средств выражения [7; 12].

Конечно, разные виды дискурса имеют свою специфику, и функция воздействия отчетливо маркирует некоторые из них. Однако представление о том, что в масс-медийном дискурсе, привлекающем в этой связи наибольшее внимание, используются принципиально иные механизмы и средства воздействия, нежели в сфере деловой, учебной, повседневно коммуникации, очевидно, не имеет достаточных оснований [2; 6; 12]. Речь неразрывно связана с психологическим воздействием, в том числе воздействием непреднамеренным, и даже самое обычное сообщение накладывает на адресата некоторые обязательства: он должен знать, то, что ему сообщили; говорящему это открывает возможность действовать, исходя из этого знания. Дискурсивное воздействие, как мы стремились показать, имеет весьма общие механизмы и основания, и задача исчерпывающе охарактеризовать средства его реализации, вряд ли реалистична. Если в одних случаях воздействие может опираться на сознательное использование знакомых коммуниканту приемов и техник, что требует определенных навыков, то в других оно имеет настолько «неспецифическую» основу, что осуществляется, по сути, автоматически.

Вместе с тем, несмотря на неизбежную свернутость описания, за рамками которого остаются, к примеру, такие средства усиления выразительности речи, как ее ритмическая организация, интонирование и пр., обнаруживается ряд вопросов, которые требуют дальнейшей разработки и намечают перспективу исследований.

Инструменты оказания воздействия относятся к разным уровням дискурса – выбору слов, построению высказываний, композиции дискурса в целом. В этой связи выделяют приемы лексические и синтаксические, формально-структурные и семантические, вербальные и невербальные, простые

и комплексные. С другой стороны, можно говорить о риторических стратегиях и реализующих их приемах и тактиках. Тогда одни и те же средства оказываются инкорпорированными в различные стратегии: формирование оппозиции «свои» – «другие», к примеру, имеет ключевое значение и для стратегии дискредитации противника и для создания «своего круга», и для стратегии мобилизации общественного мнения и, кроме того, может применяться в русле стратегии изменения оценок.

Общая проблема, которая, так или иначе, возникает, состоит в том, что не удается достичь полноты и целостности описания. Это проявляется не только в отсутствии общепринятой типологии средств (приемов, тактик, стратегий) дискурсивного воздействия. Остается неясным, почему используются те или иные приемы, как они соотносятся и почему одни стратегии могут реализовываться одновременно или последовательно, а другие редко сочетаются. Примечательно также, что некоторые феномены, такие, например, как механизм исключения нередко вообще выпадают из рассмотрения.

Продвижение исследований во многом связано с изучением специфики оказания воздействия в различных коммуникативных контекстах. Такие данные в исследованиях конкретных видов дискурса постепенно накапливаются. Очевидно, однако, что в более общем плане обозначенные вопросы предполагают разработку концептуальной модели дискурса, учитывающей его сложную многоуровневую детерминацию и раскрывающей, что обуславливает эту контекстную специфику, чем определяется выбор тех или иных средств оказания воздействия.

Определенный шаг в этом направлении позволяет сделать, как представляется, развиваемый нами интенциональный подход к дискурсу [8]. Реализуемые в процессе коммуникации интенции субъектов прямо связаны с ситуацией и социокультурным контекстом, социальными и ситуационными ролями, складывающимися отношениями, установками и пр. Влияние на дискурс многообразных психосоциальных переменных опосредовано актуализирующимися в соответствующих условиях интенциями коммуникантов. С этих позиций интенциональное пространство дискурса – совокупность интенций и интенциональных структур, свойственных определенной сфере коммуникации, – выступает как его психологическая основа, во многом определяющая, что именно и каким образом говорится, как протекает взаимодействие с собеседником или аудиторией. Если, говоря о стратегиях воздействия, имеют в виду глобальную задачу, достигаемую через их реализацию, то интенциональный подход устанавливает связь между конкретными интенциями субъекта или определенной их совокупностью и используемыми им приемами воздействия. Это позволяет продвинуться в понимании психологической детерминации выбора

средств оказания воздействия и может способствовать созданию их типологии.

Библиографический список

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. – М.: Флинта; Наука, 2007. – 592 с.
2. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 88–125.
3. Дейк Т. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. – М.: Либроком, 2013. – 344 с.
4. Зачесова И.А., Гребеницкова Т.А. Взаимоотношения собеседников в диалоге // Ситуационная и личностная детерминация дискурса / под ред. Н.Д. Павловой, И.А. Зачесовой. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – С. 162–185.
5. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 288 с.

6. Леонтьев А.А. Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации / под ред. А.С. Маркосян, Д.А. Леонтьева, Ю.А. Сорокина. – М.: Смысл, 2008. – 271 с.

7. Павлова Н.Д. и др. Дискурс в современном мире // Психологические исследования. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. – 368 с.

8. Павлова Н.Д., Григорьева А.А., Пескова Е.А. Психолингвистика общения: интенциональное пространство предвыборного политического дискурса // Общение и познание / под ред. В.А. Барабанщикова, Е.С. Самойленко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – С. 353–373.

9. Поттер Дж. Дискурс-анализ как метод исследования естественно протекающей речи // Иностранная психология. – 1998. – № 10. – С. 36–46.

10. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия. – М.: Наука, 2006. – 136 с.

11. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: Гнозис, 2004. – 326 с.

УДК 159.922.7

Полунина Лада Викторовна

Школа здоровья № 628, г. Москва
lada310185@mail.ru

ПСИХИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ШКОЛЬНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

В статье приведены некоторые трактовки понятия «психическое состояние школьной тревожности», особое внимание уделено воззрениям советского психолога Н.Д. Левитова. Состояние школьной тревожности анализируется как феномен, неизбежно сопутствующий процессам социализации и личностного становления индивида в условиях учреждения школы.

Ключевые слова: школьная тревожность, психические состояния, процессы социализации.

Психическое состояние школьной тревожности – феномен, который детерминирован комплексом глубинных внутренних факторов: подростковый возраст является периодом, когда личностное стремление к самореализации, к самоутверждению выступает как доминанта всего многообразия психолого-социальных явлений изменений личности.

Феномен школьной тревожности определяется, прежде всего, особенностями процесса социализации в рамках школьного обучения. Подросток, будучи в исключительно подвижной коммуникативной среде, вынужден постоянно актуализировать различные проявления эмоционально-личностных переживаний, положительных или отрицательных.

Именно этот, «психологический», компонент определяет необходимость «адаптации» подростка в школьной среде, что и приводит к возникновению феномена школьной тревожности, которую мы определяем как временное психическое состояние, выражающиеся в эмоциональном переживании, в волнении, повышенном беспокойстве в классе,

в ожидании плохого отношения к себе, отрицательной оценки со стороны педагогов, сверстников.

Н.Д. Левитов, один из наиболее видных специалистов в области исследования психических состояний, разделяет состояние тревоги (временное и ситуативное психическое состояние) и тревожности (более или менее устойчивое для подростка психическое состояние). По его мнению, тревога – это личностно ощущаемое переживание, инспирированное в результате угрозы (объективной или субъективно трактуемой) индивиду как социальному субъекту, когда сомнению, «оценочной ревизии» со стороны окружающих подвергаются его ценности, представления о себе, положение в школьном коллективе, понимание собственного «я» в разрезе значимой социальной группы.

В отличие от состояния тревоги, психическое состояние школьной тревожности всегда есть состояние внутреннего дискомфорта и дисбаланса, это состояние различной интенсивности и более или менее длительного во времени ощущения внутреннего напряжения, когда подросток порой не осознанно вовлечен в коммуникативный фон «повышенно-